

Дмитрий Воротилин

Храм

18+

Дмитрий Воротилин

Храм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66017922

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой человек по имени Максим наблюдает за тем, старое здание занимает общество людей, готовящихся к вознесению. В поисках идеального мира Максим решает присоединиться к ним, встречаясь в результате со своими страхами и сыном одной из адептов общества, чья жизнь висит на волоске.

Дмитрий Воротилин

Храм

Храм держался на окраине нашего городка, разрывая землю своей толстой фигурой и расковыривая небо острым поржавевшим шпилем. Штукатурка облупилась и осыпалась, окна заляпаны грязью, пропуская внутрь достаточно света, чтобы разглядеть блуждающие тени внутри. Сколько помнится, люди всегда обходили его стороной, боясь всякой нечисти в лице наркоманов и бездомных, хоть никогда их даже рядом с храмом и не видели.

С приходом людей храм и территорию вокруг него принялись облагораживать. Высокая трава была выкошена, на ее месте развели клумбы. Здание преобразилось, сияя своей небесной голубизной, порой являясь контрастом для проплывающих облаков. Даже шпиль выпрямили.

Правда, местные все равно старались обходить храм стороной. Если раньше боялись наркоманов или бездомных, которых в глаза не видели, то сейчас все видели людей, принявших на себя ответственность за бесхозное раньше здание. «Сектанты, безусловно, сектанты!» – эти слова выражались с недоверием, гневно, даже презрительно, но местные очень любили обхаивать этих вот сектантов. За их спинами. В глаза не смотрели, боялись, что порчу наведут, а может, и какие-нибудь другие были страхи. Несмотря на это, обсуж-

дали много, брякали все, что в голову придет, надо же высказать и свое авторитетное мнение относительно подозрительных личностей. Радио работало, но обходило стороной тех же сектантов, которые только могли догадываться, что о них думают окружающие. Только вот вряд ли их это заботило. Что о них там говорят? Безбожники, сатанисты, пьющие козью кровь, устраивающие оргии в стенах небесного цвета здания, а может, они вообще иностранные агенты, привлекающие на свою сторону неокрепшие юные умы...

Максим много наслушался подобного, но ничему не верил. Не хотел. Не мог. Он видел, как сектанты въезжали в первый день. Тогда он стоял в погожий летний день перед храмом и созерцал всю ничтожность сего сооружения. Оно словно какая-то болячка была на лице городка. Он проникся отчаянием здания, в муках повисшим во времени, в котором оно никому не нужно. Ржавая ограда с человеческий рост была бы зрелищным местом приземления, если упасть с крыши здания. Хотя, крыша сама не внушала доверия. Можно было б и провалиться, при падении порезаться о ржавые металлические листы, обломать их, чтобы куски остались в коже, упасть внутрь. А там, да что там? Ничего. Как и на той стороне – ничего.

Подъехали две легковушки. Люди в белых рубашках вышли и остановились перед зданием так, что Максим наблюдал их со спины. Они поднимали головы, кружили руками, что-то показывая друг другу, но Максим ничего не слышал.

Затем они вошли внутрь. Такого еще никогда не было, чтоб хоть кто-то зашел в храм. Наверно, эти люди не местные. Издалека.

С тех пор прошло два года. Храм менялся на глазах. Максим мог наблюдать это, так как проходил мимо него каждый день. Он бросал косые взгляды на обитателей храма, как они общались друг с другом, как облагораживали храм, разгружали машины с продовольствием, мебелью. Они никак не походили на сектантов, по крайней мере, не подходили под то, что он раньше слышал. Они выглядели дружелюбно. Заботились о друг друге, о храме. Когда редкие прохожие все же кричали им, требовали в гневном тоне убираться подальше отсюда, они не переходили на высокий тон. Они спокойно взирали всех, кто косо на них смотрел. Они существовали, но и не существовали.

Максим же понял, что это не простые люди. Они выбрали «проклятое» место, потому что могли. Он ходил кругами, осматривал храм со всех сторон, как бы мимо проходя. Однажды он проходил мимо женщины, являвшейся членом секты. Она сидела на скамейке у ограды, поглаживая свой большой живот. Видно, срок уж не малый, подумалось Максиму. Одета она была легкое трикотажное платье, на плечи накинута серая шаль. Ее мягкие каштановые волосы переплетены пышной косой. Под стать наполненному пением сверчков вечеру. Женщине было на вид лет двадцать пять, несмотря на морщинки на лице.

Максим остановился возле нее. Почему она одна? Где отец ребенка? Кажется, сейчас он впервые задался вопросами о ком-то другом. Женщина подняла глаза на него. На лице ее отразился испуг на некоторое время. Не ожидала она никого. Максим было дернулся в сторону, в направлении своего изначального пункта назначения, но остановился. Ноги приросли к земле.

– Вы здесь одна? – неуверенно произнес он. Затем только лишь осмотрелся по сторонам. Никого поблизости не было. Лишь за оградой, на территории храма, пара людей в белом прохаживались вдоль клумб.

Женщина все еще смотрела на Максима, будто перед ней мертвец стоял.

– Простите, я не хотел вас тревожить, – заторопился Максим, – я здесь живу рядом. Вижу каждый день, как вы, ну ваши люди... э-э-э... Наводите порядок здесь. – Он совершил круговое движение указательным пальцем в направлении территории храма.

Женщина осторожно, медленно повернула голову в указываемом направлении, но явно в намерении увидеть своих. Затем, убедившись, что свои неподалеку, она вернулась к Максиму. Она молчала. Только снизу вверх смотрела на Максима. Будто ожидая сорваться с места в любой момент. Максим хотел было уже уходить, но кто-то, незаметно подошедший к ним, окликнул девушку:

– Галина, все хорошо?

Максим вздрогнул, тяжело задышал, повернул голову. Рядом стоял мужчина лет сорока, в серых брюках и белой рубашке с завернутыми рукавами по локоть. Гладкое, выбритое прямоугольное лицо с пышными бровями, приоткрывающими черные глаза, зачесанные набок черные волосы делали из него какого-то бизнесмена, человека с обложки «Форбс». Хотя, какое у него прошлое, кто знает?

– Извините, я уйду, – заторопился Максим, однако, мужчина остановил его, выставив вперед руки, ладонями наружу, будто пытался успокоить его:

– Погодите, я просто хочу поговорить, – ан, нет, не пытался.

Максим встал как вкопанный, с опаской разглядывая незнакомца-сектанта. Тот же обратился сначала к девушке на скамейке:

– Галина, ты простыла, а то ты уже долго здесь сидишь.

Простыла, скорее, не пройтись ли тебе, дорогуша? Максим ощущал, что здесь хотели изначально говорить именно с ним.

Галина кивнула, встала и по-медвежьи пошла к воротам храма.

– Меня зовут Павел, я глава этого общества, – сказал мужчина, протянув руку. Максим медленно протянул в ответ. Павел сжал ладонь, медленно, рассчитывая, когда остановиться, явно располагая большей силой. Может быть, он опасался применить ее на Максиме, боялся спугнуть.

– Максим, – промычал Максим.

– Очень приятно, Максим, – Павел заулыбался, указал на скамейку, приглашая присесть.

Максим медленно присел. Не было ни единой мысли, горюющей, что надо отклонить приглашение. Не было и мысли садиться. Ничего не было. А что еще мне остается?

Павел присел рядом, повернувшись к Максиму лицом.

– Я часто наблюдал тебя, Максим, – начал он. – Ты словно чего-то ищешь здесь. Это здание имеет для тебя какое-то значение? – Максим покачал головой. – Для тебя имеет значение Галина? – снова неуверенное мотание головой из стороны в сторону. – Ты не знаешь, чего ищешь? – Максим кивнул, один раз, опуская голову на заржавевших шестеренках, с истошным скрипом кричащих о своей нелегкой работе. – Максим, ты знаешь, кто мы?

– Вас называют сектантами, – ответил Максим.

– А ты? Кем ты нас считаешь?

Максим недоуменно посмотрел на Павла. Он не знает, что ответить.

– Я не знаю.

– Но ты хочешь узнать?

– Угу...

Павел глубоко вдохнул, облизнул губы, положил руку на спинку скамейки. Он приготовился к речи, явно доставлявшей ему ранее удовольствие.

– Наше *общество* не любит слова секта, хотя оно и имеет

значение учения, противопоставляемого общепризнанному, скажем, христианству. Христианство на заре своей также называлось сектой. Это сейчас данное слово приняло негативно-окрашенное значение. Многие деструктивные культы, тотализированные секты действительно несут огромный вред как психологическому, так и физиологическому здоровью человека, попавшему в их цепкие лапы. Мы бы могли называть себя семьей, но это похоже на лицемерное объединение людей, пришедших к нам искать любви, которой они не получили за стенами нашего общества, в том числе и в своей собственной семье, где родители вместо того, чтобы защищать и оберегать своих детей, бросали их в лапы алкоголиков, педофилов, подростковых банд, где они либо ломались, либо озлоблялись на весь свет, неся ненависть ко всему, к себе в том числе. Такие люди приходят сюда, чтобы найти хоть что-то хорошее в этой жизни, где есть место для ксенофобии и прочих предрассудков. Мы строим новое общество. От того и предпочитаем называться просто: общество.

– Так, значит, все эти люди не имеют дома?

– Смотря, что ты подразумеваешь под словом «Дом». А так, да. Все эти люди не имеют места, которое они б могли назвать домом. Галина, девушка, с которой ты познакомился несколько минут назад, имеет прошлое, которое заставило ее не доверять никому. Она и не разговаривает ни с кем. Ее муж, отец ребенка, которого она носит под своим сердцем, насиловал и избивал ее. У нее нет и не было никаких род-

ственников, друзей. Она свыклась с болью, не зная, что есть жизнь и без нее. Узнав о беременности, она готовила своего ребенка к такой же жизни. Он еще не родился, а ему уже уготована участь страдающего. Она заболела, и у нее начались серьезные осложнения со здоровьем. Была угроза потери ребенка. Как думаешь, как она попала сюда?

– Я... не знаю...

– Хорошо. Пожар. Обычный пожар после очередной попойки ее мужа. Сгорел дом, погибли люди, в том числе и муж. Ее доставили в реанимацию, где боролись за ее жизнь и жизнь ребенка в течение недели. Ей поставили выбор, когда она пришла в сознание: либо ребенок, либо она. Галина даже не думала, сразу ответила: ребенок. Даже когда ей сообщили, что шансы на то, что он выживет, стремительно падают до нуля, она и слышать ничего не хотела. Однако ей не дали умереть. Ребенок тоже выжил. Странно, врачи не верили в такой исход. Правда, на этом история не заканчивается. Она встречает нового мужчину, который обещал позаботиться о ее сыне. Это случилось быстро. Не прошло и полугода, как она оказалась в том же положении, что и раньше. В ее голове это выглядело абсолютно нормальным – страдать. Ее сын рос и познавал уроки выживания от своей мамы. Его жизнь была ценной в силу того, что она есть. Должна быть. Почему она должна быть ценной, даже ценнее твоей собственной, в мире, в котором ты ничему не можешь научить своего ребенка ничему, кроме того, что жизнь – это страдание? По-

тому что ты и сам ничего не знаешь, как это – не страдать? После очередного скандала, выраженного в монологе ее новоиспеченного супруга, она оказалась на улице, беременная с малолетним сыном за пазухой. Тогда-то я и предложил ей помощь общества.

Максим почувствовал, как его легкие сжимаются, с тяжестью, словно запихивают в и без того переполненный мешок еще воздуха. Ребра болью отозвались в своем присутствии. Он лишь задал один вопрос:

– Если она не говорит, никому не доверяет, как вы с ней общаетесь-то?

– Отличный вопрос, Максим. Она не верит никому, это так. Она здесь ради своего сына. Ее не особо заботят удобства для нее самой. Она живет, потому что живет ее сын, а скоро намечается и прибавление. Галина послушна и податлива. Из нее можно слепить что угодно, она не будет сопротивляться. Почему же она живет? Потому что должна. Не верит в перемены, но должна, так как рядом она видит сосуд собственного смысла. Так она заглушает свои страдания, которые считает обязательным компонентом жизни. Мне даже не пришлось ее уговаривать. Я просто говорил с Олегом, ее сыном. Ему пять лет. Смышленный паренек. Пожалуй, единственный кому она хоть как-то открывается. Он сейчас с другими детьми на экскурсии.

Экскурсия? Это действительно похоже на общество. На то общество, частичкой которого Максим желал бы быть.

– Максим, я вижу, что ты чем-то озабочен, – проникновенно сказал Павел. – Хочешь ли ты знать, что ты ищешь?

Максим потупил взгляд. Если он сам не знает объекта своих действий, откуда Павел ведаёт о нём? Может в тот день, когда он намеревался раздробить свои ребра о ржавую ограду храма, порвать свои лёгкие, чтобы в них потом обнаружили коричневую пыль и ломкие осколки окисленного металла, провидение вступило за него? Павел молчит, давая тем самым Максиму время, чтобы совладать с собственным скрипучим дыханием. Ребра также отзываются болью на каждый вдох, выдох.

– Ты знаешь? – сказал он наконец.

Павел подался туловищем вперёд, создавая пространство для таинства, которое вот-вот свершится. Этого никто не услышит. Только он и Максим будут знать об этом пространстве.

– Ты хочешь доказать, что жизнь – это боль, – сказал Павел. – Мы, люди, создаём эту боль и культивируем её на гумусе из собственного гниющего тела, а как считаем, что такова цена нашего существования. Это дорогое право – быть живым. Злобная шутка кроется в том, что мы сами устанавливаем ценник на боль, которую выращивание и продаём себе же, потому что тешимся иллюзией своего господства над существованием. Тешимся и страдаем. Иллюзия со временем проявляет свое истинное лицо, выглядывает украдкой из шкафа, но нравится ли это нам? Все это иллюзия? Это

заставляет нас срывать с себя одежду, скатерти, ковры и тому подобное, чтобы затолкать все это поглубже в шкаф. Иллюзия все это пожирает, ей всего этого мало, она разбухает, дверь трещит, петли скрипят. Вчерашней боли ей мало. Слышишь скрип? Видишь, как она выглядывает?

Максим в своей комнате. Небольшой деревянный шкаф, в котором он хранит свои немногочисленные вещи, в тусклом свете запыленной и почерневшей в кривобоких углах комнаты, ожил. Дверца медленно, заставляя задержать дыхание, отворяется. Кто-то или что-то изнутри толкает её. Оно дышит, забирает дыхание, жадно пожирает и обглаживает его остатки, тихо, посвистывая своими лёгкими. Сквозь щелочку высматривает своего хозяина, который кормит и лелеет его под видом своей силы. Смотрит и ждёт.

– Максим! – Павел окликнул его, возвращаясь на скамью, освещённости тёплым летним солнцем. – Я знаю, каково это – страдать. Возможно, наша встреча не случайна. Это провидение.

Максим почувствовал тошноту, хотелось изрыгнуть собственные лёгкие. Голова кружится, заплесневелая комната сжимается, стены вот-вот расплющат его хрупкое тельце, кости захрустят, ломаясь и перетираясь вместе с аморфной кровавой массой. Он чувствует, как что-то в груди сжимается, появляется в его сознании впервые. Максим скрючился, перегнулся над спинкой скамейки, даже не сообразив толком, что с ним происходит. Это просто выходит, выливается

на землю позади, словно так и должно быть. Максим не спешил вытирать свои губы, выпрямляться. Сил хватало только на то, чтобы осмыслить произошедшее. Павел осторожно взял его за плечи.

– Максим, тебе нужна помощь? – спросил он.

– Да. Нет, я, кажется, пришёл в себя, – сказал Максим, отдышавшись. Он выпрямляться, хотел было вытереть свои губы рукавом футболки, однако остановился, увидев платок, который протянул ему Павел. Он принял его, после чего оставил у себя, так как Павел уверить его в том, что у него есть ещё. – И как же ты можешь мне помочь? Психотерапия?

– Я похож на психотерапевта? Нет. В прошлом у меня был свой бизнес. Но он не приносил мне удовлетворения. Я желал все больше и больше. Потом я начал осознавать, что грызусь за то, что держит меня на земле, что причиняет мне только больше боли. Наша жизнь является страданием постольку, поскольку мы стремимся придать ей материальный облик. Это тлен. Тупик нашего развития здесь, – он легонько постучал указательным пальцем по своему виску. – Я и общество предлагаем не боль, но вознесение.

Вознесение. Максиму понравилось это слово. Сможет ли он сделать его своим?

– Я что-то должен сделать для того, чтобы пойти по этой дорожке? – осторожно спросил он.

– Ничего общество не требует. Скорее вопрос в другом. Нужно ли тебе все то, что ты тащишь за своей спиной?

Ничего. Никому.

Максим несколько дней оставался в раздумьях. Не находил себе места даже на привычной тропе, которой он пользовался каждый день, находя в ней защиту от душевных ползновений извне. Слова Павла, да что там, его образ заняли все его мысли. Как можно объяснить вознесение, о котором он говорил? Может быть, боль причиняют телу, и это его удел, суть же вознесения в том, чтобы отказаться от такой судьбы, взять ответственность за то, что косвенно страдает, – душу. Только она важна. Всё остальное – тлен.

Последнее, что добило Максима, его почерневшая комнатка, эта створка, из которой что-то высматривает его, крадёт дыхание и желание спать. Максим сбежал из неё. Все свои немногочисленные пожитки остались в темноте. Тем временем он пошёл к Павлу, представляя его своим спасителем, единственным человеком, который мог дать ему дельный совет.

Постепенно Максим сближался с обществом. Он начал видеться с остальными стенами общества. Они трудились, прибирались на территории храма, преображали само здание. Строительные леса стали его временной оболочкой. Перемены повисшим над этим некогда безжизненным местом. Тем не менее в обществе чётко распределялись обязанности. Они не только строили, но и помогали друг другу, создавая микросоциализм. Повара, дружинники, охранявшие территорию, воспитатели, занимавшиеся детьми, пока их ро-

дители трудились на благо общества, библиотекари, просветители (слово “пропагандисты“ и его иные эквиваленты не приветствовались) – все не получали заработной платы. Они честно трудились, ели и развлекались, обмениваясь тем, что кто умеет.

Максиму предоставили комнату, которую он должен был разделять с другим членом общества. Ему дали работу разнорабочего. В результате к концу рабочего дня он успевал и дело делать и общаться, он воспринимал скорее как необходимость, нежели объект его устремлений. Все же были люди, с которыми он хотел общаться. Это касалось в первую очередь Павла, наставлявшего его на путь Вознесения. Как ни странно, его тянуло к Галине, которая за все время их с Максимом знакомства не произнесла ни слова. Олег, её пятилетний сын, был малой парниша худощавого телосложения, с закрывающими уши косматыми волосами. Он ходил на пугливого козленка, старавшегося высматривать в окружающих волка в овечьей шкуре. Рядом со своей матерью он больше играл роль переводчика, так как ему хватало смелости разговаривать, хоть скупно на какие-либо эмоции. Максим старался поддерживать такую посредническую связь с Галиной. Со временем она стала обращать внимание на его присутствие. Теперь, как думал Максим, он меньше казался ей чужаком. Да и самому себе тоже. Позже Максим встретился и с Олегом. Парниша без проявления эмоций поведал ему о том, как в обмораживающей мартовской сыро-

сти в наспех накинутых вещах пытался вместе с беременной матерью найти тёплый уголок.

Однако Максима не оставляли смутные переживания относительно Вознесения. Члены общества так или иначе говорили об этом, а на редкие вопросы о сущности самого Вознесения сочувствующе смотрели на него и говорили, что оно скоро настанет. Это будет открытие всеобщее, даже люди за стенами храма встретятся с этим, но они останутся. Здесь внизу, одни. Когда же оно должно произойти? Отвечали все дружно в унисон: когда закончат приготовление храма. Со всем скоро, думал Максим. Это его подзадорило. Он все силился понять, что же это такое, поэтому стал работать усерднее прежнего. У него не оставалось сил на посторонние дела. Он был полностью поглощен приготовлением, он в предвкушении того момента, когда перед ним распахнутся двери неизвестности, мучавшей его столь долгое время.

Тем временем подошла осень. А с ней и роды Галины. Её положили в специально оборудованы медотсек, куда был ограничен доступ. Из-за этого Максим часто оставался с Олегом один на один. Максим часто ощущал на себе его пристальный взгляд. Казалось, они оба пытаются без слов о чем-то договориться друг с другом. Но о чем? Может быть они оба думают о Вознесении? Не понять.

Как бы там ни было, пыхтящие трубы сковали здание храма. По ним шёл пар, приводящий в движение все здание. Люди все оживленнее обсуждали близящееся Вознесение. Храм

начинает шевелиться. Общество все меньше времени проводило на улице, переместившись вовнутрь, защищаясь от наступающим холодов.

Что-то грядёт, только и слышал Максим в толпе, взвизгивающей с трепетом на заляпанную серыми красками улицу. Общество собирается в храм. Открывают двери и запрашивают на отходящий поезд. Отряхиваются, срывают тщательно грязь с одежды и обуви, стараясь не приносить с собой ничего с непогоды, переодеваются в специально для этого отведенных комнатах. Грязную одежду выбрасывают в топку, подогревающую воду до пара, который шевелит здание.

Максим стоит с Олегом, дожидаясь, когда к ним присоединится Галина с дочкой на руках. Вот она появляется со спящим младенцем, укутанным в белоснежную мягкую ткань. Галина сияет, искрятся от переполняющего её чувства любви, к дочке, сыну, обществу. Она это они.

Все стоят перед закрытыми дверьми, ждут, когда их впустят. Олег дёргает мать за рукав, говорит шёпотом, что здесь душно. Галина качает головой: нет, все хорошо и будет лучше. Олег отстаёт от неё, но его беспокойный взор кружит по заполненной людьми комнате. Его взгляд останавливается на Максиме. Может, он чем-то сможет помочь ему? Максим молча кивнул следовать тому за ним. Они пробрались сквозь толпу, вышли к выходу. Максим тихонько приоткрыл дверь, чтобы никто этого не заметил, чтобы вышел Олег. Но тот останавливается на полпути, оглядывается на Максима,

прося о чем-то. Он переводит взгляд на спины людей, выискивая знакомую. Снова смотрит на Максима. Тот наклонился к парнише и тихонько сказал:

– Я позову её.

Олег с оглядкой вышел. Дверь закрылась.

Максим ринулся обратной дорогой к Галине. Люди ожились. Протискиваться стало труднее. Двери перед ними с потрескиванием отворились. Нарастал гул, перешептывание переходило в рокот. Максим нашел лицо Галины в толпе. Она с блаженным выражением на лице двигалась вперед вместе с потоком общества. Максима толкали в спину, а он не то чтоб не хотел, не мог даже обернуться. Его стиснули со всех сторон, все его члены были во власти безудержного потока. Это продолжалось, казалось, вечность. Однако толпа начала останавливать свое течение, руки освободились. Через секунду уже можно было развернуться. Люди рассасывались. Максим прошел дальше, выискивая снова глазами Галину. В полутемном помещении это оказывалось несколько сложнее. Внутреннее каменное, холодное убранство, с голыми серыми стенами, массивными столбами, державшими тускнеющий небосвод, заставляло почувствовать свою малость. Не потерять бы себя хотя бы, подумал Максим при этом.

Спереди с трибуны громом пробил голос Павла. Он, одетый в те же белоснежные одежды, стоял, возвышаясь, словно гора, над всеми присутствующими. Его голос заставлял всех

трепетать.

– Приветствую всех вас, друзья! – говорил он. – Ночи становятся все длиннее, а дни все короче. Мир снаружи засыпает прямо на глазах. Они, – он резким движением руки указал в сторону, где за серой стеной остался внешний мир, – останутся, они признают только боль, но нам этого не нужно, с нас достаточно этого! Вся их жизнь служение боли, сегодня же мы откажемся от того мира, что отказался от нас! Мы оставим здесь все, что связывало нас с их идолом! Для чего? Для того, чтобы вознестись над этой пропастью, из которой мы должны выйти, родиться заново!

Он кивнул двоим работникам, стоявшим подле него. Те зашли за спину ему и с усилием начали толкать двери, которые сливались с серой стеной до этого момента. Сам же он вновь обратился к толпе:

– Пора сбросить с себя тяготеющие нас одежды!

Он стащил с себя свой балахон, полностью оголившись. Люди последовали за ним. Многие даже не задумывались над этим ни секунды, с широко открытыми глазами и глубоко дыша ртом представ нагими. Другие предавались этому как некому таинственному процессу, выражая на своем лице трепет перед рождением. Они видели в этом потаенный смысл, хотели задержаться в моменте, в котором они брали на себя новую роль, – вознесенного. Максим ощутил холодок, пробежавший по его коже, ничем не прикрытой коже. Он оглянулся по сторонам. Нигде не было его одежды. Когда

он ее скинул?

Вот и Галина. Она уже обнаженная, стояла с младенцем на руках, оглядывалась по сторонам. Наверно, в поисках Олега. Максим прошел к ней. Галина с истошным усилием на лице впиалась в него глазами.

– Где?.. – промычала она, словно вытаскивала из своей кожи глубоко вошедший гвоздь, тащивший за собой плотно сидящую кожу.

– Галя, он... снаружи, – сказал Максим, затаив дыхание.

Галя в панике замотала головой по сторонам, отступила на пару шагов назад. Снова посмотрев на Максима, она выражала непонимание, презрение на своем искореженном лице.

– Все, что нам нужно, – это вырезать самую возможность страдания! – голос Павла прошелся над головами общества, заставляя дрожать каждую молекулу любой точки зала.

Максим перевел взгляд на сцену. Там, в полутьме за тяжелыми дверьми что-то загремело, засвистело. Оттуда что-то на него смотрело, забирало его кислород, вот, змеи извивают колонну посреди открывшейся комнаты. Что-то уходит дальше в тень. Оно знает, что к нему придут. Максим всмотрелся. Там среди змей человек. Он их пленник. Его лицо кричит. Но его не слышно. Руки взмывают ввысь, он исчезает, медленно, словно змеи его укорачивают. Эти змеи, они полосуют его тело, превращая в безродную массу. Эти змееподобные лезвия посвистывали при каждом обороте, трудились на благо храма, на благо идеи.

Максим двинулся было вперед, но остановился, оглянувшись на Галю. Она все также мотала головой, причитая полупшепотом:

– Он там останется, он не получит вознесение... он там останется... не получит... вознесение...

Толпа, взбудораженная, зашевелилась, начала движение в наркоманском трансе. Словно пчелы зажужжали, маршируют к механизму, вырезающему ненависть ненавистью. Они поднимаются на сцену, подходят к механизму, неловко ступая по вымощенному серым камнем мокрому полу своими уже грязными ступнями. Они все же останавливаются, трепеща, перед механизмом. Дрожь пробивает их тела. К ним подходит Павел, берет одну из женщин за плечи, и говорит:

– Боишься? Хватит бояться, пора вырасти, отказаться от этого. Смерти нет!

Женщина оборачивается, но Павел непреклонно взирает на нее с высоты. Она делает неловкий шаг. Еще. Раскачивается, будто пьяная. Прыгает. Брызнула алая струя, ноги стираются, искривленная физиономия вот-вот порвется подобно гнилой тряпке. Беззвучно.

Смерти нет... Тогда нельзя развести жизнь на до и после. Ее не было, ее не будет.

Ногти впиваются в предплечье Максима. Галина в ужасе что-то кричит ему, но он не слышит ее. Только ее губы повторяют: сын. Она действительно боится, что он не вознесется? Или максим что-то не понимает?

Люди уже не дрожат, они смиренно прыгают в механизм.

Тогда зачем тебе это существо на руках, думает Максим, чего ты добиваешься, куда ты идешь, хоть однажды ты задавалась этим вопросом? Крыша... да, тогда, он представлял себя на крыше, думал, что смерть с хрипом в легких заставит его что-то почувствовать, что-то иное. Не понимаю, смерти нет, промелькнуло в голове, зачем она мне?

Небольшие осколки толпы ринулись в обратную сторону, толкнув Максима. Паника зажужжала в воздухе. Максим схватил Галину за руку и ринулся вместе с толпой. К выходу. Грудь сдавливает, снова. Что-то за спиной, следит за ним. Двери выбили, впереди бежавшие при этом оказались раздавлены обезумевшей массой. Крики сливаются в какофонию горького блеяния. Максим не отпускал руку Галины, не имея при этом даже возможности оглянуться на нее. Вот, поворот, лестница, наконец-то! Толкают в спину, ударяется с хрустом о вертикально воздвигнутые камни, но не падает, спускается дальше. Вниз, вниз, не останавливаться, нельзя. Сзади кто-то падает, крутится, скатывается по лестнице. И это не является причиной, чтобы его обойти. Об него спотыкаются и также расшибают головы о тупые ступеньки.

Лестница закручивается, что аж до головокружения доводит. Но вот он, вот выход! В полутьме, шлепая по зеленым лужам, Максим с Галиной бегут к выходу. Что-то за спиной, совсем близко. Настигает. Максим чувствует, боль в груди. Трудно дышать. Трудно бежать. Он, не оборачиваясь, свора-

чивает за полу-обваленную стену, походящую на груды булыжников. Вот еще поворот. В груди тошно. Он забегает за угол, таща за собой Галину, останавливается, чтобы отдышаться.

– Сын... останется... внизу... – тараторила Галина нескончаемо.

С ней слишком тяжело.

– Где девочка? – в ужасе кричит Максим, наблюдая перед собой только обнаженную женщину, без своего ребенка на руках.

Она останавливается в причитаниях, вытягивает свое лицо вперед и шепчет проникновенно:

– Она не останется, я точно знаю. Ее взяли с собой.

Смерти нет.

Максим пятится. Ее взяли с собой. Она не останется.

– Что ты наделала?.. Ты... привела ее сюда для этого?..

– Ее ждет спасение, ведь ее родной отец помог ей...

– И он здесь?.. – оторопел Максим.

Где-то рядом с ними все это время был и ее муженек-абыюзер? Как они не столкнулись?

– Павел говорил, что это дитя, которое спасет мир...

– Павел? Галина, кто отец девочки?

Она не успевает ответить, Максим и без ее слов понял ответ. Он мысленным взором окидывает всех женщин, родивших за последнее время и раньше. Для скольких из этих детей Павел приходится отцом?

За спиной что-то тяжело дышит, ощупывает его своим недоверием. Ребра трутся с натугой друг о друга. Эта женщина, она не получит своего сына, чтобы отдать его. Не получит. Максим сморит на нее, пытаясь что-нибудь выдавить из себя. Выходит нечто неказистое, бесформенное:

– Мне надо отойти...

Он пятится, натывается голой пяткой на осколок камня, который врезается словно хищник в шею своей добычи. Максим от боли подскакивает на месте, разворачивается, бежит. Просто бежит, куда глаза глядят. Стены, серые стены, на которых мозаикой выступают все такие же голые камни. Под ногами какая-то зеленая жижа, которая прилипает к коже, разносится в разные стороны блеклыми брызгами.

Где же люди? Где они все. Кругом только развалины, грязь, плесень, что аж дышать не хочется. Его дыхание крадут. Что-то крадет его дыхание. Это что-то выбралось из шкафа, а, может, оно там никогда и не было, а ждало его здесь? Оно крадет и пожирает чужое дыхание, испражняется прямо тут же. Его кормушка. Ему противна жизнь, но оно жаждет алчно этого. Вся его любовь – это ненависть. Свист лезвий механизма, раздающийся откуда-то из темноты, будто перетирает его сухожилия, его кости. Пасть, скрежежущая стальными зубами, не способная насытиться.

Он здесь не останется. Выход. Где же этот проклятый выход? Вот, очередной поворот, пол дрожит под ногами. Боль в кровоточащей пятке усиливается, приходится ступать осто-

рожнее. Ребра стягивает слабую грудь. Дышать даётся все труднее и труднее. В рот набивается какая-то мелкая пыль, вяжущая язык. Хочется пить, но кругом все грязные лужицы, да голые стены. Максим пытается ногтями скрести пыль с языка, вызывая тем самым только рвотный рефлекс.

Что-то выглядывает из-за угла. Зря остановился. Надо бежать. Не стоять на месте, ни секунды. Поворот, ещё поворот. Надо запутать следы, двигаться так, чтобы нельзя было проследить какую-либо цель. Хотя оно должно догадываться, куда он бежит. Догадывается ли... Оно жаждет постоянно только ненависти и этой ненавистью питается, не имея возможности насытиться.

Сколько прошло времени? Сейчас день, вечер, может быть уже наступило утро? Максим потерял счёт времени. Он бродит по катакомбам часами. Хочется рухнуть и не вставать. Нельзя. Я больше не могу, захрипело в голове у него. Нога с пораненной пяткой не болит. Её просто нельзя уже почувствовать. Она подламывается, и Максим плюхается на холодный пол. Какая уже разница? Его не догонят. Он далеко.

Голова зудит. Кажется, он расшиб себе лоб. Кровь застилает глаза. Глаза закрываются. Он проваливается в трясину.

Что-то хватает его за ногу. НЕТ! Он хочет закричать, но раздаётся только истошное хрипение. Пол движется. Нет. Это его тело тащат. Кости причудливо спотыкаются о выступающую кладку. Что-то утаскивает его под воду, чтобы он

захлебнулся.

Тело беспомощно бьётся. Хочется закричать, но сил хватает на глухое хрипение. Грудь дёргается, хочется заплакать от страха, но на глазах ничего кроме крови.

Механизм свистит. Вот куда приволок. Нет. Не надо. Не хочу. Почему?

Пошёл снег. Он падал и тут же исчезал. Мокро и холодно.

Посреди пустой улицы с ужасом на лице стоял ребёнок. Его губы безмолвно дрожали. Успел перебежать дорогу, чтобы оттуда наблюдать, как пыхтящие здание храма, движимое непонятным его разуму механизмом, возносилось в небо. Сама земля извергала его. Шестерёнки и трубы под основанием храма не кончались, они росли из-под земли и были её частью.

Огромный пьедестал зашумел, загудел под порывами ветра. Кажется, всё вот-вот обрушится, раздавит под своей бессмысленной тяжестью. Трубы рвутся, пар вырывается наружу.

Олег вздрагивает. Разворачивается неловко, спотыкается, упирается ручками в грязь. Но снова слышит грохот за спиной. Он встаёт и бежит отсюда.

Слезы наворачиваются на глаза. Они согревают его щеки.